

Алексей Котов

У ангела
болеют
зубы...

Алексей Николаевич Котов

У ангела болели зубы...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25561686

Аннотация

Непритязательные тексты на грани мистики, а точнее говоря, за исключением первого, почти без нее, потому что автора больше интересовали совсем другие загадки. Например, какое количество сложных вещей можно уместить в одной простой, насколько реальны страхи абсолютного зла и, если у ангела болят зубы, остается ли он ангелом на самом-то деле?..

1.

– Я, я, я!.. Он постоянно говорит «я». Еще он твердит «мне плохо», «мне нужно» или «мне это просто необходимо», – молодой женский голос засмеялся. – Это просто невозможно вынести!

Мужской голос спросил:

– Ты о ком говоришь?

– А о ком же еще я могу сейчас говорить?! – весело удивилась женщина. – О нем, конечно!.. Этот тишайший интеллигент способен заполнить собой все. Он вежлив, благожелателен и даже добр, но он не даст дышать тебе, потому что, заполняя собой все мыслимое пространство, он вытеснит оттуда даже воздух.

Говорили в коридоре. Женский голос звучал настолько непринужденно радостно, что это не могло не вызвать ответной улыбки.

Несколько раз открылась и захлопнулась дверь.

– Чертов ключ... Точнее, замок. Не могу закрыть дверь.

– Давай я попробую.

– Ой, уйди, пожалуйста! Ты не сможешь, потому что ты тоже пацифист-интеллигент. Помнишь теорию Николая Николаевича? Он сказал, что интеллигенция зародилась в рядах уставших крестоносцев и вызревала в лабораторных кол-

бах разуверившихся колдунов-алхимиков. Первых изгнали из Иерусалима, а вторые вдруг поняли, что они никогда не найдут философский камень. Бывшие рыцари и колдуны стали писать толстые научные диссертации на тему «Почему арабы отняли у нас Иерусалим» и «Теория падения яблока на голову Исаака Ньютона».

– Валечка, я совершенно с тобой согласен, потому что именно так и родилось гуманистическое искусство.

– А почему вчера ты приперся ко мне в этот общарпанный гостиничный номер? – женщина снова засмеялась. – Это гуманистическая любовь, да?.. Знаешь, я не так давно говорила с одним монахом, так вот он утверждал, что черти тоже могут любить. Эта любовь похожа на гениальное безумие. Но бывшие рыцари-крестоносцы и колдуны неудачники перестали верить даже в чертей.

– Ва-а-лечка!.. Солнышко мое, я опаздываю.

– Солнышко? Вот я и говорю, ты тоже глупенький, – беззаботный женский смех оборвал грохот захлопнувшейся двери. – Мы с тобой давно крадемся в тени... Все, кажется... Поползли!

2.

В коридоре стало тихо. Человек в постели открыл глаза и посмотрел в окно.

Свет и ветви деревьев за окном казались серыми... Точ-

нее, полутонами одного серого пятна. Человек сел, осторожно потер локоть левой руки и пошевелил пальцами. Боль в локте стала пульсирующей и резкой. Человек вздохнул и посмотрел на полоску света, падающую со стороны чуть открытой двери.

За окном послышался звук подъехавшего грузовика. Громко хлопнула дверца кабины. Несколько голосов принялись спорить о том, что пустых ящиков должно быть две сотни, а не три.

Человек посмотрел на часы на левой руке. Стрелки показывали без десяти минут восемь. Легкое движение руки снова причинило боль.

За окном принялись с грохотом сгружать пустые ящики...

3.

« – Самое неприятное мучить чертей только за то, что они черти... »

Черт Конфеткин запомнил именно эту фразу. Правда, он не мог с уверенностью сказать, когда она прозвучала: сейчас, в этой пыточной камере, или тысячу лет назад, когда однажды утром он проснулся от ударов палок в стогу вблизи францисканского монастыря.

В самом начале допроса черту Конфеткину сломали один рог. Потом его избили ногами, правда, не сильно, потому что те, кто его пинали, пришли из соседней камеры, где, навер-

ное, они занимались тем же самым. Люди сильно устали, а потому не очень-то старались.

Когда копыто Конфеткина зажали между дверью и косяком, он закричал и его ударили в широко распахнутых рот... Затрещали зубы.

– Черт проклятый!

Конфеткин сплюнул осколки зубов и закричал в ответ что-то веселое и неразборчивое на старофранцузском.

– Снова улыбается, гадина! Что он там бормочет?

– Это стихи... Об извращенной любви старого короля к молоденькой пастушке. Перевести?

– И ты на дыбу захотел, да?!

Конфеткину принялись жечь свечами шерсть. Боль стала острой, буквально пронизывающей. Сознание помутилось, но упорно не уходило. Оно не растворилось в темноте даже тогда, когда черта подняли с пола и с размаха бросили на стену. Похожий на свиной пяточок нос Конфеткина едва не расплющился, из него хлынула бурая кровь.

Черт не престал улыбаться... Он, наконец-то, закончил стихи о королевской любви и принялся выкрикивать наиболее циничные выдержки из чернокнижной «Абра кара демос».

– Да заткнись же ты, сволочь! – взмолился обиженный голос за его спиной. – Ребята, вы как хотите, а я так больше не могу.

Черта свалили на пол и ударили чем-то тяжелым по голо-

ве. Когда Конфеткин пришел в себя, он понял, что его потащат за ноги по грязному и гулкому коридору. Сильно пахло паленой шерстью и плесенью. Но Конфеткин улавливал и другой запах: пронзительно свежего, майского утра с оттенками свежего сена и французского парфюма...»

4.

– Леночка!..

Голос был вежливым и даже добрым.

Леночка механически ответила:

– Угу... Да?

– Что читаешь?

Леночка чуть было не ответила «Так, одну ерунду...», но мягкий голос после короткой паузы продолжил фразу:

– ... На работе?

Леночка поняла глаза. Перед ней стояла Ольга Евгеньевна.

– Ой, извините!

Наверное, Леночка слегка покраснела. А еще она удивилась: всегда строгая и красивая, как рыжеволосая английская леди, хозяйка гостиницы «Евро-Националь» Ольга Евгеньевна улыбалась ей самой простодушной улыбкой.

Леночка захлопнула журнал. Прижимая ладошкой белый парус на обложке и вспененное, пронзительно-голубое море под ним, она потащила журнал к краю стола. Ольга Евге-

ньевна с интересом рассматривала едва видимые под пальцами девушки море и крохотную часть паруса.

– Я уже читала этот рассказ про черта Конфеткина, – сказала она. – Непонятный, правда?

– Правда, – охотно согласилась Леночка.

Приключения черта казались ей скорее забавными, чем трагическими.

– Клиентов все равно нет, – сказала Ольга Евгеньевна. – Только этот... ну... Этот тип, который сейчас рвется в 215-й.

Взгляд директрисы стал вопросительным.

– Ольга Евгеньевна, я уже сто раз ему говорила, что сутки начинаются в одиннадцать! – горячо заговорила Леночка. – Вот тогда пусть и вселяется.

– Да-да, конечно, – перебила торопливое объяснение Ольга Евгеньевна. – Но он стонет, что устал и что ему нужно отдохнуть перед выступлением. Я где-то слышала, что этот мерзавец действительно хороший кинорежиссер. Он дал мне пять билетов на премьеру своего «Убийства под ковром» в «Пролетарии». Ты возьмешь у меня пару штук?

Леночка кивнула.

– Хорошо, – лицо Ольга Евгеньевны вдруг стало строгим. – А теперь, Леночка, будь добра, все-таки сходи в 215-й... Намекни там. Хорошо?

Леночка пару секунд рассматривала лицо начальницы и поняла, что возражать бесполезно. Девушка встала и нехотя поплелась на второй этаж...

Существовало несколько способов дать понять жильцу, что ему пора покинуть гостиницу. Самый простой из них – затеять уборку в номере. А можно было соврать, что где-то замкнуло проводку, и сейчас придут электрики. И в том и другом случае, выходя из номера, дверь оставляли широко открытой. Но в «Евро-Национале» таким способом мстили только за пьяные вечеринки. Ольга Евгеньевна лично будила расслабленного «после вчерашнего» гостя в пять утра и охотно шла на скандал. Три года тому назад заезжая московская «супер-мега-звезда», раздраженная «хамским поведением» Ольги Евгеньевны, вызвала прессу. Хозяйка «Евро-Националя» не растерялась. И даже более того!.. Во время интервью Ольга Евгеньевна – ироничная, красивая и гордая – была гораздо больше похожа на «звезду», чем всклоченная, опухшая личность с синюшными кругами под глазами. Именно с тех самых пор за «Евро-Националем» утвердилась репутация тишайшей и очень порядочной гостиницы. Что же касается московских «звезд», то большинство из них, – и опять-таки с того времени, – вдруг стали предпочитать именно «Евро-Националь». Они с каким-то болезненным любопытством всегда расспрашивали о скандале со своим коллегой. Ольга Евгеньевна рассказывала о так, что смеялась даже вечно занятая уборщица тетя Поля.

... На стук в «215-м» никто не ответил.

– Можно к вам? – громко и старательно грубо спросила Лена.

Она ждала ответа едва ли не полминуты, потом снова постучала и тут, по легкому движению двери, поняла, что она открыта.

Лена опустила руку и повторила просьбу войти. Ей снова никто не ответил.

«Неужели, случилось что-нибудь?» – испугалась девушка.

Она заглянула в номер. На кровати сидел одетый в темное человек и смотрел в окно. Он сидел вполоборота и так, что Лена увидела его бороду и кончик носа. Ладони человека лежали на коленях. Пальцы одной из них – левой – перебирали четки... Бусины четок были черными и тусклыми, как крупные ягоды смородины.

В номере чуть пахло больничной мазью. На столике лежала ленточка анальгина. За окном грохотали о землю ящики. – Простите, я... – начала было Лена.

«Он же молится!» – вдруг не без удивления догадалась она.

Девушка замерла.

«И что мне теперь делать теперь?»

Леночка вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Отойдя к окну, она задумалась. Можно было пойти вниз и соврать Ольге Евгеньевне, что она попросила клиента освободить номер и пусть этот вредный кинорежиссер ждет. Во вторых, можно было подождать самой здесь, у окна. Например, почитать журнал, который Леночка механически захватила с собой...

«... Черт Конфеткин забился в угол. Первое, что он увидел в следующей камере, была тяжелая спина человека склонившегося над столом в углу. Под руками мастера позвякивал пыточный инструмент. Свет был мигающим, слабым и казался каким-то больным.

Не оглядываясь, мастер спросил:

– А что Гроссмейстер?

– Он к вам и послал... – испуганно ответили те, кто стоял у двери.

«Врут!» – усмехнулся Конфеткин.

Под руками мастера с силой громынуло железо.

– Нашли, значит, фокусника?

Люди заговорили о чем-то еще, но черт Конфеткин потерял к ним интерес. Сильно, как зуб, ныл обломок рога на голове. Боль рывками прорывалась в мозг. Но черт все равно улыбнулся, ощерив осколки сломанных зубов, и принялся вспоминать вчерашнюю ночь. Он не испытывал ни сожаления, ни горечи за свое, казалось бы, довольно глупое поражение. Его обнаружили прямо на высокой, крепостной стене. Конфеткин долго и на удивление по-дурацки метался в свете внезапно вспыхнувшего факела. Черт мог уйти от засады, не только нырнув вниз, в бездну, но и по левому гребню стены за своей спиной. Он же попытался нагло прошмыг-

нуть мимо охранников. Его отбросил тяжелый удар в плечо. Черт повторил попытку, и тогда на него упала сеть. Конфеткин снова сгруппировался – не разорвав до конца сеть, он третий раз метнулся вперед и угодил под нокаутующий удар тупого конца копья.

Мастер наконец закончил возню с пыточными инструментами. Он подошел к черту и искоса, словно в пышущую жаром печь, заглянул в его одухотворенную страданиями морду.

– Бесплезно, – коротко сказал мастер. – Везти нужно...

– Куда? – удивились там, у двери.

– Туда! – с нажимом сказал мастер. – Ты тут дурачка из себя не строй. Я с беглецами из ада дела не имел и не собираюсь.

Мастер закончил речь так, словно откусил остаток фразы.

Там, у двери, промолчали. Конфеткин буквально спиной почувствовал легкое движение. Едва не вывернув шею и скашивая налитые кровью глаза, черт оглянулся.

Один из его конвоиров, присев на порожки, зашивал порванные на бедре штаны. Движения взлетающей и падающей руки с иглой были широкими и плавными, как крестное знамение.

«Тыфу ты, черт!... – подумал Конфеткин. – И померещится же всякая ерунда».

Номер «215-й» был, наверное, самым маленьким и самым неудобным в «Евро-Национале». Гостиница делила стародворянское здание с небольшим супермаркетом, а «215-й», по какой-то неведомой причине, перепрыгнул границу раздела в виде вынесенной наружу шахты лифта. Короче говоря, окна злополучного номера смотрели на чужую территорию за кирпичным забором. Когда-то «215-й» был простым техническим помещением. Все звуки с чужой территории гасли, не успев достигнуть окон гостиницы, а вот «215-й» был единственным исключением.

– Честное слово, я бы его продала соседям, – не раз и не без раздражения говорила Леночке о «215-ом» Ольга Евгеньевна. – Только он им не нужен. А когда двадцать лет назад бывшие владельцы делили здание, именно из-за «215-ого» дело дошло до драки в суде. Говорят, что потом даже убили кого-то...

...Леночка спустилась вниз через долгих пять минут.

Ольга Евгеньевна сидела на ее месте. Перед стойкой администратора стоял лысый мужчина с напряженным лицом.

– Что там, Леночка? – спросила Ольга Евгеньевна.

– Скоро, – соврала Леночка и удивилась твердости своего голоса.

Полный мужчина у стойки скривился так, словно проглотил надкушенный лимон.

– Как скоро? – нервно выпалил он.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – улыбнулась клиенту Ольга Евгеньевна. – Хотите, я вам дам другой номер?

– Я не хочу другой, – снова нервно взбрыкнул клиент. – И как долго вы еще прикажете мне ждать?

Ольга Евгеньевна посмотрела на Леночку. Девушка пожала в ответ плечами.

– Совсем чуть-чуть, – сказала за своего администратора Ольга Евгеньевна.

7.

«... Пахло сенокосом. Удивительная смесь из запаха еще свежей и уже скошенной и подсохшей травы приятно щекотала в носу. Щебетали невидимые птицы, а теплое и ставшее блеклым за перистыми облаками небо казалось застойным, как вода в болотце.

Телега скрипела и переваливалась на колдобинах.

Черт Конфеткин лежал на спине, рассматривал размазанные облака и чему-то улыбался. Веревка сильно резала его связанные за спиной руки, а правый глаз щекотал клочок сена.

– А если он убежит? – спросил кто-то.

– Да не-е-е! – медленно ответил ленивый, насмешливый бас. – Сколько вожу таких чертей, а никто не пытался.

– Ну, а если?!..

– Он и так сбежал. Зачем ему тут, у нас, суесться?

– А черт его знает!

Этот первый голос был не то что бы нервным, а, скорее даже, испуганным.

Черт Конфеткин стал читать стихи.

– Что это он бормочет? – спросил бас.

– Опять, опять! – плаксиво взвизгнул первый голос. – Я так не могу!

– Что?

– Я старофранцузский знаю. Это невыносимо слушать.

– Ты из дворян?

– А что?

– Зачем старый язык учил?

– А меня не спрашивали. Просто научили и все.

Пауза в разговоре получилась довольно продолжительной.

– Сволочным образом с тобой поступили, – рассудительно сказал бас. – Зачем учить человека тому, что любят черти?.. Подло это.

Черт Конфеткин стал читать громче.

Первый голос тут же взвыл:

– Убью, гадину!

Бас засмеялся и сказал:

– Вон палка лежит на обочине. Лупи его, если тебе делать больше нечего.

Скрипнула телега, видимо избавившись от части груза. Чьи-то ноги затопали по одной луже, потом по другой.

– Не эту берешь! – закричал бас. – Вон там, слева, толще. Первый удар палкой пришелся точно по носу Конфетки-на.

– Замолчи, нечисть!..

Черт послушно замолчал, но не перестал улыбаться. Худой человек с палкой шел рядом с телегой и с ненавистью рассматривал чертенячью физиономию.

– И в самом деле замолчал, – удивился бас. – Что это он так, а?..

Человек с палкой вдруг поскользнулся в очередной луже. Его голая ступня нырнула под окованное железом колесо телеги. Человеческая плоть вмялась в грязь как слегка подмороженный кусок масла. Пострадавший бросил палку, осел и тоненько, истово закричал.

– Тпру-у-у, стерва!.. – гаркнул бас на лошадь.

Черт Конфеткин снова стал читать стихи...»

8.

... Ольга Евгеньевна сама поднялась на второй этаж. Уборщица тетя Поля протирала широкие листья старого фикуса. Те листья, по которым уже прошла тряпочка, отсвечивали пластмассовыми бликами. По правде говоря, тетя Поля не любила старый фикус и частенько жаловалась на него директрисе «Евро-Националя».

– Это древовидное еще от социализма осталось. Оно по

ведру воды в день сжирает. А пыль?!.. Это же этажерка какая-то, а не растение.

Но Ольга Евгеньевна удивилась совсем не перемирию уборщицы и старого фикуса, а тому, что дверь в «215-й» была чуть-чуть приоткрыта.

Ольга Евгеньевна остановилась у двери номера и вопросительно посмотрела на уборщицу.

– Замок сломан, – не глядя на директрису, тихо буркнула тетя Поля. – Я вам несколько раз говорила.

Тетя Поля отошла от фикуса и откровенно полюбовалась на него.

Ольга Евгеньевна вдруг почувствовала неуверенность, рассматривая крохотную бирку «215». Она прикоснулась рукой к двери. Та легко поддалась...

«Как я могла забыть про сломанный замок?» – подумала Ольга Евгеньевна.

В голове женщины промелькнула формальная фраза об уважении к клиентам и тут же исчезла без следа. Ольга Евгеньевна осторожно вошла в номер.

Тетя Поля провела тряпочкой по нижнему, самому некрасивому и чуть желтому листу растения. Причем она сделала это с таким изяществом, с каким художник наносит последние мазки. Когда уборщица подняла глаза, Ольга Евгеньевна снова стояла на пороге номера, уже пытаясь закрыть дверь так, чтобы не было видно щели.

– Я там потом приберу, – сказала уборщица.

Ольга Евгеньевна кивнула.

– Спасибо, тетя Поля.

Тетя Поля показала глазами на дверь «215-ого».

– Священник, что ли?

– Я не знаю.

– ... А может монах?

Ольга Евгеньевна пожала плечами. Потом она вдруг ласково улыбнулась, с явным интересом рассматривая лицо уборщицы.

– Вы не устали, тетя Поля?

– Нет. А что?..

– Я ваш отпуск имею в виду.

Тетя Поля легко улыбнулась в ответ.

– Все пройдет, – сказала она. – И отпуска эти тоже проходят... Ну, их!

9.

«...Телега с чертом Конфеткиным стояла посреди площади. Высокие здания вокруг и прожженная тусклым солнцем брусчатка делали ее похожей на сухой колодец.

Возница куда-то утащил искалеченного человека. Черт Конфеткин лежал на спине и рассматривал облака.

К телеге подошла кошка. Едва взглянув вверх, она словно испугалась свешивающегося клочка сена и тут же рванула в ближайшую открытую дверь.

Время шло и шло... Солнце поднялось в зенит. Оно не стало ярче, но опаляло все вокруг. Казалось, что времени и солнца так много, что ни то, ни другое никогда не кончатся. Следы от луж – а вчерашний дождь был бурным и даже каким-то шалым – превращались в пыльные, грязные пятна.

Когда мимо телеги проходила молодая, розовощекая женщина с ведром огурцов, черт Конфеткин громко и цинично расхохотался. Женщина испуганно вскрикнула, бросила ведро и убежала.

– Опять ни черта не делаешь, да?!... – крикнул ей вслед Конфеткин.

Восклицанию черта ответил повторный и уже далекий женский вопль.

После обеда к телеге подошли два человека в одинаковых, темных одеждах. Более молодой принялся рассматривать копыта Конфеткина, а тот, что постарше и с бородой, обломок рога на его голове.

– Что скажете, профессор? – наконец спросил молодой.

– Похоже, действительно беглец, – без выражения ответил тот, что постарше. – Рог был надтреснут. Значит, его выкручивали еще там...

– Где там? – удивился молодой.

– Мне стыдно за вас, коллега, – снисходительно улыбнулся бородач. – Там, понимаете?..

Молодой замер с открытым ртом.

– В общем, все будет зависеть от мнения Великого Маги-

стра, коллега, – продолжил бородач.

Он нагнулся и поднял с земли огурец. Вытерев овощ об одежду, бородач с хрустом надкусил его.

– Но Магистр молчит, профессор! – вдруг явно загоревшись, сказал молодой. – Я понимаю, что он не хочет мешать нам своим авторитетом, но...

– Почему нам? – перебил профессором с огурцом. – А про господина Панцирблата вы забыли?

Молодой человек снова замер, а его горячность, неизвестно откуда взявшаяся, так же и делась неизвестно куда. Он опустил глаза и принялся смущенно изучать потертую брусчатку.

– Огурчика не хотите, коллега? – возобновив усмешку на добродушном лице, спросил профессор.

Молодой человек наконец заметил рассыпанные огурцы и его едва не стошнило.

Он с трудом сглотнул комок в горле и выдавил:

– Спасибо, профессор...

Сзади громко закричал невидимый, мальчишечий голос:

– Господин главный Чертомучитель идет!.. Господин главный Чертомучитель!

Огромный, полуголый человек в кожаном фартуке возник на маленькой площади казалось ниоткуда. По крайней мере, молодой человек возле телеги мог поручиться, что он не слышал, как скрипнула дверь канцелярии Магистра. У великана в фартуке было полное, какое-то неживое лицо, а заплывшие

глаза подпирали снизу плоские, монгольские щеки.

– Господин главный Чертомучитель!

Молодой человек посторонился в сторону от телеги. Его пожилой коллега сделал то же самое, но умнее и тоньше – он перешел на другую сторону. То есть на ту, что была за повозкой.

Гигант в фартуке бросил презрительный взгляд на молодого ученого, и сипло спросил:

– Ты что тут?

– Что?.. – испуганно переспросил молодой человек.

Господин главный Чертомучитель, казалось, удивился даже такому невинному восклицанию. Он остановился и принялся рассматривать лицо ученого. Молодой человек побледнел и попятился еще дальше. Под его ногой хрустнул огурец. Потом еще один...

Громко и весело взвизгнул черт Конфеткин:

– Слышь, лысый, привет своей беременной племяннице от меня передай.

Гигант медленно, всем телом, стал разворачиваться к черту.

«Он его убьет сейчас!...» – с ужасом подумал молодой ученый.

Конфеткин радостно загоготал.

– Ну, что ты на меня вылупился, чудо пузатое? Развратничаем, значит, без учета мнения Великого Магистра?

Гигант наконец закончил грузное движение и замер. Туск-

лые глазки принялись рассматривать черта.

– Что вылупился? – спросил Конфеткин.

Гигант почесал кончик носа.

– Что?.. – уже буквально расплываясь в благодушной усмешке, повторил Конфеткин. – Что тебе непонятно, зараза ты немытая?

Взгляд молодого ученого, обращенный на черта, стал благодарным. А его пожилой коллега опустил вдруг озорно сверкнувшие глаза. Со стороны могло показаться, что профессора вдруг заинтересовали раздавленные на брусчатке огурцы.

Могучие руки палача ловко вдернули черта из телеги и взвалили его на волосатое, квадратное плечо.

– Па-а-ма-а-а-ги-ите-е-е!.. – сквозь смех звонко заверещал Конфеткин. – Братцы, родненькие, я же не хочу быть чертом. Не хочу, честное слово!

Гигант с ношей на плече направился в ближайшую, широко распахнутую дверь.

– Идемте, – тихо шепнул профессор молодому человеку. – Панцирблат с ним разберется без нас. Нам здесь больше нечего делать.

Дунул ветер, занося серой, последождевой пылью человеческие следы на брусчатке... Потом, словно после раздумья, он дунул еще раз, уже вслед профессору и молодому человеку, как бы подгоняя их.

Где-то там, со стороны городских ворот, раздался тяжкий,

тележный скрип и женский голос надрывно закричал:

– Свежее мясо и старое вино!.. Налетай!.. Свежее мясо и старое вино!»

10.

– ... Ради Бога извините меня, но я не понимаю, за каким таким чертом вам вдруг так срочно потребовался именно 215-й номер?

Ольга Евгеньевна совсем не сердилась. Если в ее голосе и звучала насмешка, то она была, скорее всего, совсем добродушной. Тем не менее, в глазах красивой женщины уже светились боевые, яркие огоньки. Леночка согласно кивнула и тоже улыбнулась.

Режиссер снова болезненно морщился. Он морщился каждый раз, когда слышал обращенную к нему речь, и со стороны могло показаться, что он не соглашается даже с тем, что ему осмеливаются задавать вопросы.

– Поймите, я просто устал с дороги... Я хочу отдохнуть. Мне необходимо выспаться.

– Возьмите другой номер, – хором выпалили Ольга Евгеньевна и Леночка.

– Я не хочу другой.

– Идиотизма какая-то, – повысила голос Ольга Евгеньевна. – Послушайте, гражданин, с вами все в порядке?

«Гражданин» опустил голову.

– Вы не понимаете!.. Я... Как вам это объяснить... Я... – толстяк-кинорежиссер все-таки посмотрел в лицо Ольги Евгеньевны и в этом взгляде легко угадывалась мука. – То есть мне... Точнее даже для меня... Да! Для меня очень важен творческий процесс... Он никогда не был для меня понятен. Вот что важно, понимаете, да?.. Этот процесс, наверное, самая величайшая загадка в мире. Как он идет и почему все в нем идет именно так?.. Я не знаю. И этого никто не знает. Например, вы кушаете бутерброд и смотрите на стакан пива. О чем вы думаете?.. Да, в общем-то, и не о чем... Но вам в голову вдруг приходит великолепная... Нет! Великая идея. Но где?! В самой обыкновенной и пьяной забегаловке. Я думаю, вы не поймете, что...

– Про пьяную забегаловку я как раз понимаю, – перебила Ольга Евгеньевна.

Режиссер вяло улыбнулся. Он положил на стойку руку и, наверное, удивился тому, что его ладонь была сжата в кулак.

– Нет, вы все-таки не понимаете. Я пытаюсь говорить с вами о том, как рождается искусство...

– Со мной? – засмеялась Ольга Евгеньевна.

– Именно с вами... – толстяк разжал ладонь и принялся изучать ее тыльную сторону. – В данный момент от вас кое-что зависит...

– Что же?

– Есть вид из окна номера на кирпичный забор, – тихо сказал толстяк. – Рядом с ним мусорный ящик, а дальше –

другой мусорный ящик и дом середины 19-го века... Удивительная картинка! Сейчас утро. В поезде я не спал всю ночь и так устал, что, откровенно говоря, готов послать все куда подальше. Но это-то и важно!.. Для того чтобы придумать лишнее, нужны силы. А у меня их сейчас нет...

Ольга Евгеньевна посмотрела на Леночку и выразительно покрутила пальцем у виска.

– Возможно и это, – легко согласился режиссер. – Иногда в искусстве дежавю и есть самое главное. Но подумайте сами, если у меня сейчас нет сил, чтобы придумать лишнее, значит, я придумаю только самое главное?

– У меня тоже сил нет выслушивать всякий бред про придуманное искусство, – сказала Ольга Евгеньевна.

Леночке вдруг надоело улыбаться.

– Вы раньше жили в «215-ом»? – участливо спросила она.

Кинорежиссер ничего не ответил. Он все так же изучал собственную руку, словно впервые видел ее.

Леночку кольнула жалость к толстяку. Она подумала о постояльце из «215-го».

«Нет, я не пойду туда!..» – решила Леночка.

«Ты жестокая, – тут же одернул девушку немного странный, но хорошо поставленный, внутренний голос. – А может быть, ты даже бесчеловечная!»

«... Черт Конфеткин забился в самый дальний угол темной, как могила камеры. Потолочный свод был настолько низким, что когда Конфеткина бросили в камеру, он задел его рукой.

«Жаль, что тут нар нет, – подумал черт после того, как ошупал все вокруг. – Хотя, зачем они тут?»

Он сел поудобнее на полу и захрюкал от наслаждения, едва ли не раздирая когтями окровавленное колено.

Из-за двери, откуда-то издалека, донесся человеческий вопль.

«Работают, – усмехнувшись, подумал Конфеткин. – Ну, их всех!.. Идиоты какие-то...»

Сильно пахло плесенью и еще чем-то застойным и неприятным. С потолка капало, и на больное колено попадали холодные брызги.

Черт не знал, что такое сон, но иногда любил побыть в состоянии забытья. Конфеткин оставил больное колено в покое и лег спиной на холодный, как лед пол. Возбуждение уходило медленно и прерывалось то желанием снова почесать колено, то болью в сломанном роге, а то и просто какой-либо насмешливой мыслью.

«Дураки, да?.. – по телу черта мелкой рябью и волна за волной, проходила дрожь смеха. – Впрочем, разве это главное?.. Разве и я в дураках не был? Но надоело, понимаешь, надоело все!...»

Очередной приступ смеха оказался нестерпимым и Кон-

феткин захохотал.

«... А им не надоело! Вот идиоты, а?! Двести лет как крепиться разучились, а в чертей верят. Ох, бли-и-ин, и борцы с рогатым меньшинством!...»

За дверью по коридору шел человек и бил в барабан.

– У-у-ужин!.. – громко тянул он. – У-у-ужин!

«Мне не дадут, – подумал Конфеткин. – Я же черт, все-таки...»

12.

– Ну-ну, вы подеритесь еще!.. – строго оборвала горячий спор тетя Поля.

– Да я вообще не понимаю, о чем мы тут говорим, – Ольга Евгеньевна перевела возмущенный взгляд с гостя на уборщицу. Взгляд директрисы тут же смягчился. – Это бред какой-то!..

Шум стих. Но пауза получилась очень короткой.

Кинорежиссер затравленно всхлипнул и сказал:

– Вы нее имеете права!

– Какого права?!.. – тут же снова закричала Ольга Евгеньевна. – О чем вы?

– Я хочу наконец-то занять свой номер – «215-й».

– Вы его купили, что ли?!

– Купил.

– Не купили, а забронировали. И я вам уже сто раз сказа-

ла, что вы сможете занять этот номер только после одиннадцати.

– Но я устал и хочу отдохнуть.

– Возьмите любой другой номер.

– Я не хочу другой!..

Уборщица тетя Поля подошла ближе.

– Ушел постоялец, – чему-то улыбаясь, сказала уборщица. – Только что ушел.

Все замерли и посмотрели на тетю Полю.

– Вежливый такой... Мне спасибо сказал, – с тихой гордостью продолжила она. – Ключ от номера отдал...

Тетя Поля протянула ладошку с ключом. Очевидно, она хотела сказать что-то еще, куда более важное, но вдруг сбилась.

– Хороший человек, – просто заключила уборщица.

Последняя фраза показалась настолько малозначительной, что на нее не обратили внимания ни Ольга Евгеньевна, ни Леночка.

Впрочем, кинорежиссер тут же резко, с вызовом спросил:

– А, значит, я плохой, да?

На его полном лице вдруг появилось горделивое выражение. Гость взял свой чемодан и, вскинув голову, направился к лестнице.

– Ключ от номера возьмите, – окликнула его Леночка.

Гость не оглянулся.

«Наверное, он знает, что замок сломан, – подумала Ле-

ночка. – Хотя он никогда не был в «215-ом»...»

Ольга Евгеньевна широко улыбнулась и победоносно осмотрелась вокруг.

13.

«...Из забытья черта Конфеткина вывел сильный толчок в плечо.

– Ты здесь? – спросил его грубый и властный голос.

Конфеткин обмер.

– А что?.. – тихо и робко спросил он. – Кстати, я занят. Меня скоро пытаться будут.

Голос тихо хохотнул.

– Нашел себе работу, да?.. А ну пошли!

– Куда?

Могучая рука оторвала Конфеткина от пола, приподняла в воздух и тут же обрушила на пол. Нос черта ткнулся в широкую щель со святящимися, фосфорными краями.

– Иди, иди, нечего тут прохлаждаться, – сказал голос в темноте. Он вдруг стал зловещим и тихо добавил: – Еще раз удерешь, убью!

Конфеткин передернуло от ужаса. Сопротивляться бесполезно, но, тем не менее, и помимо своей воли, черт слабо дернул плечом, стараясь сбросить чужую руку. Рука тут же сдавила плечо так, что Конфеткин взвыл от дикой боли.

– Иди!

Черт тихо и безнадежно завыл. Щель оказалась совсем небольшой и, протискиваясь в нее, Конфеткин ободрал бока так, словно края щели были покрыты наждачной бумагой.

«То ли еще будет!..» – с откровенным тоскливым ужасом подумал он...»

14.

Через пять минут уборщица тетя Поля все-таки заглянула в «215-й» номер.

Толстяк-кинорежиссер сгорбившись сидел на постели и смотрел в окно. Его руки лежали на коленях ладонями вверх. В позе гостя определенно было что-то странное, даже неестественное. Он словно ждал чего-то, и его нетерпение выдавала постукивающая по полу нога, одетая в высокий, модный ботинок. Лица незнакомца тетя Поля не видела, но почему-то посчитала, что оно такое же странное – тоскливое и мрачное.

«Скорбной какой-то, – решила уборщица. – Скорбной и безнадежный...»

Тетя Поля закрыла дверь и тут же забыла о странном постояльце.

15.

Шел мокрый снег... И было еще серо. Черт Конфеткин

брел по покрытому тонким слоем воды и льда тротуару и с ненавистью смотрел на спину впереди идущего человека. Спина была широкой и темной. Человек остановился у пешеходного перехода и нажал на кнопку светофора.

«Аккуратный, сволочь», – промелькнула яркая и досадливая мысль в голове черта.

Конфеткин тоже остановился и вдруг понял, как мало у него сил. Черт привалился спиной к ярко освещенному киоску и вытер ладошкой мокрый нос.

«Дьявол! – с тоской подумал он о том, за кем шел. – Нет, хуже дьявола!»

– Эй, вы там, гражданин в шубе! – киоскерша, женщина с сонным лицом, постучала по стеклу. – А ну, отойдите от киоска.

Конфеткин вяло огрызнулся. Припавшая к стеклу киоскерша отпрянула во внутрь, охнула и истово перекрестилась.

Человек впереди перешел дорогу. Конфеткин поспешил следом... Он то дело оглядывался по сторонам, словно по привычке искал лазейку для того, чтобы удрать.

Черта догнала страшная мысль: «Не надейся!..» Конфеткину вдруг захотелось осесть на асфальт и завывать дурным голосом. Мир вокруг казался ему настолько надоевшим и беспросветным, что черта затошнило.

Конфеткин собрал в кулак остатки воли. Но то, что удалось ему собрать, тут же стало растекаться, как талый мартовский снег в горячем кулаке. Оставалось последнее сред-

ство: черт вспомнил свой недавний ужас, испытанный перед
Голосом, там, в темноте подвала.

«А то хуже будет!..» – подумал он.

Из подсознания всплыла другая мысль: «Да разве может
быть хуже?»

Конфеткина снова затошнило, а это был плохой признак.
Не зная, что делать, черт наудачу припомнил запах свежего
сена и французских духов.

«Весело же было!..» – с пронзительной тоской подумал
он.

Он искал надежду... Но ее не было. Впереди маячила спи-
на человека, черт не мог не идти следом, и надежда умирала.
Точнее говоря, она превращалась в бездну.

Снег усилился и стал совсем мокрым... Конфеткин по-
смотрел вниз и вдруг не увидел своих ног. И черт никак не
мог понять: это оттого, что гуще пошел снег или просто та-
яли его копытца...

Чертова кожа

Наверное, самая простая рифма к слову «ребенок» най-
дется сразу же – «теленок». Каким я был тогда, в далеком
1980-ом?.. Да и в самом деле большим, бесхитростным те-
ленком. Даже самые мои жгучие мысли – будь то обида на
чужую несправедливость или осмысливание собственного
несовершенства – могли запросто и вдруг превратиться из

кусачего овода в легковесную бабочку. И я – теленок! – пережевывая что-то или смеясь над чем-то, наблюдал за тем, что происходит внутри меня словно со стороны, и не видел в этом простодушном преображении никакой трагедии. Уже теперь мне кажется, что эта мягкая не возмущенность как-то связана с восприятием времени в юности: словно тыходишь в реку и чувствуешь не столько течение воды, сколько ее внутреннюю сущность – живительную прохладу. Ты смотришь по сторонам, любишься удивительным утром, а течение времени воспринимается разумом не как его безвозвратная потеря, а как неиссякаемый круговорот...

Улыбнусь: все-таки Любочка правильно называла меня «философом», хотя это явно насмешливое звание, конечно же, нужно взять не в одну пару кавычек. Как-то раз мы сидели на берегу реки... Я, очарованный только что подаренным мне Любой романом Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», вдруг вздумал изобрести свое собственное «доказательство бытия Божия». Конечно же, я не верил в Бога и меня интересовал только процесс конструирования доказательства. Иными словами, я пытался доказать то, во что не верил сам и как раз в этом и состояла моя вопиющая глупость. Я говорил что-то про небо и реку и про то, что облака, в сущности, и есть отражение реки ведь вода, пусть даже в виде пара, все-таки остается водой. Но движение облаков никак не связано с направлением течения самой реки. Почему отраженное не соответствует тому, что оно отражает?.. И

не есть ли это доказательством того, что отраженное и отражаемое находятся в разных мирах?

Любочка редко прерывала мои измышления на философские темы, хотя они и казались ей примитивными, как рисунок дикаря. Люба перебирала мои волосы, смотрела в сторону пляжа и о чем-то думала. Я окликнул ее... Люба улыбнулась, легонько укусила меня за ухо и шепнула, что я «полный балбес».

Но я упрямо продолжил доказывать, что наш мир лишен жестких, механических связей и что именно поэтому в нем найдется место для Бога. Ведь Космос – вечный и холодный – создает земные облака на своем оттаявшем краешке, а потому идет дождь, не пересыхают родники и текут реки. Но как бесконечно огромное допускает воздействие на себя бесконечно малого и в то же самое время они оба – в силу не взаимосвязанности их движения – остаются совершенно свободными?..

Люба засмеялась и сказала, что, во-первых, я – оголтелый пантеист и, во-вторых, что я целуюсь лучше, чем философствую.

Я попытался вернуться к своим рассуждениям, когда мы возвращались с реки. Люба держала меня под руку. Я не успел сказать и десяти слов, как вдруг Люба резко оборвала меня. У нее был холодный, изучающий взгляд... Люба усмехнулась и спросила: «Слушай, философ, сколько можно? Ты что и в самом деле дурак?»

Эти слова прозвучали как пощечина... Я попробовал вырвать руку, но Люба удержала ее. Она суетливо и неловко извинилась и сказала, что терпеть не может отвлеченных рассуждений, если они касаются «космических тем». Я спросил почему. Люба долго молчала. Она шла, низко опустив голову, и рассматривала дорогу.

— Я не помню, сколько тогда мне было лет, — неохотно начала она. — Но моя мама хорошо запомнила тот случай и говорила, что тогда мне было чуть больше трех... Мы приехали к бабушке в деревню. Ночью я проснулась от ужаса и закричала так, что переполошила в доме всех... — Люба как-то искательно и жалко принялась рассматривать мое лицо. — Там, во сне, я подумала, что если я умру, то меня никогда не будет... Ни-ког-да! Я представила себе космос, не имеющий предела, и крохотную светящуюся точку, летящую в нем... Пройдет тысяча лет, сто тысяч, сто миллиардов лет, а точка будет лететь и это не имеющее пределов «Никогда» останется прежним. Я вдруг поняла, что такое смерть и что такое «тебя никогда-никогда-никогда не будет». Даже само это слово «никогда» можно было бы повторять бесконечно долго и оно само никогда-никогда-никогда не кончалось бы...

Любочка говорила все более медленно и неуверенно и слова давались ей с мучительным трудом. Ее монолог нужно было оборвать и я не нашел ничего лучшего, кроме как усомниться в том, что трехлетний ребенок может понимать, что такое бесконечность.

Люба усмехнулась:

– Тогда был 1961 год... Гагарин полетел в космос. Мои родители – интеллигентные люди и они многое объясняли своей дочке. А я была очень умной девочкой...

Наверное, я и Люба были очень разными людьми... Любое зло тогда казалось мне не столько темным и далеким, как жуткий лес, сколько попросту бесполезным и чужим. А может быть, просто затянулось мое детство? Можно сказать и так... Но я совсем не страдал от этого и если старался казаться взрослым, то как-то с оглядкой, с оговоркой, что это всего лишь следующий день моей жизни, а там, наверху, – вот посмотрите-посмотрите! – светит то же самое вчерашнее солнышко...

Работа пионервожатым в лагере «Светлячок» не отнимала у меня много сил. Я охотно возился с детьми – десятилетней малышкой – и ясно осознавая свою ответственность перед ними, не был строгим воспитателем. Кстати, тогда я не мог сказать про себя, что «я люблю детей». Теленок не может любить телят, потому что он сам попросту является одним из них...

Все выше изложенное не мешало мне приставать с поцелуями к старшей пионервожатой Любе даже днем в каком-нибудь укромном уголке. Любочке было двадцать один год, мне – девятнадцать. Когда Люба обижалась на меня, – а в начале знакомства это происходило довольно часто – у нее

бледнели губы, и она была готова с удовольствием пустить в ход жесткие кулачки. Правда, ее удары никогда не достигали цели, а если и колотили меня, то только по спине. Любочка смеялась, кричала «Слон несчастный, сейчас убью!..» и вслед убегающему «слону» летела то книга, что шахматные фигуры, то еще что-нибудь явно не тяжелое. Мне нравилась эта то удивительно ласковая, то откровенно глупая, на грани жестокости, игра. Мы оба могли сознательно причинить боль друг другу, например, заставить ревновать, но... Я не помню случая, чтобы наши ссоры (кроме последних) продолжались больше двух-трех часов.

Первые шаги к примирению делал только я... Впрочем, так ли это было на самом деле? Ведь я отлично понимал, чего ждет от меня Любочка. Кстати говоря, по ее же словам, в моем «покаянии» не было ни капельки осознания вины, скорее всего это было самым наглым проявлением мужского высокомерия. Например, я подходил к Любе, когда она читала книгу, садился рядом и молча терся носом о ее худенькую шею. Люба молчала... Тогда я обнимал ее за плечи и шептал ей в ухо: «Любочка!.. Любочка моя!» Моя рука скользила вниз и касалась ее груди. В начале нашего знакомства, я регулярно получал книгой по голове. Потом, когда Люба все-таки решилась на паузу, я, не долго думая, нырнул рукой за лифчик. Люба укусила меня за руку. Мы чуть не подрались и, как это ни странно звучит, Люба потом сама прижгла мне ранку на руке зеленкой. Я обнял Любу и прежде чем поце-

ловать, долго рассматривал ее губы. Они были чуть тонкими, но совсем не портили ее, а еще они были упругими и по-женски жадными...

Довольно быстро я понял, что Люба – женщина. А мне было девятнадцать и у меня никогда никого не было... Как-то Люба сказала мне, что у меня руки мужчины и глаза ребенка. А потом добавила, что я настолько похож на порядочного человека, что любая девушка скорее согласится выйти за меня замуж, чем бездумно флиртовать. Она улыбнулась так, словно улыбнулась не мне и сказала «в общем, ты глубоко несчастный человек!» По мнению Любы, я должен был обидеться на ее слова, но я только улыбнулся в ответ. Странно, но рядом с Любой я всегда чувствовал в себе какую-то неодолимую силу и ясно понимал, что ей ничего противопоставить этой силе. Незаурядный женский ум Любочки, ее опыт и женская хитрость были способны к сопротивлению не в прямой схватке, а только исподволь. Теленок вдруг оказывался сильнее пантеры. Осознание этой несправедливости очень часто и рождало в Любе чувство гнева...

Когда я брал в свои ладони лицо Любы и приподнимал, она никогда не смотрела мне в глаза. Она закрывала их и ждала... Я касался губами сначала кончика ее носа, потом щек и едва тронув ее губы, замирал и смотрел, как они тянутся к моим губам.

Люба не раз говорила, что именно я научил ее «романтическим рыданиям»... Уже теперь, по прошествии многих

лет, я понимаю, что она была права. Пусть и бессознательно – но довольно старательно! – я часто доводил Любу до этих горьких и совсем не романтических слез. Было ли это жестокостью?.. Нет! Потому что все происходящее тогда с нами нельзя было оценивать как что-то обыденно-повседневное, как что-то счетного типа «ты – сказал, она – ответила, а потому все так и получилось»... Примерно так же, как несопоставимы по размерам река и Вселенная над ней, так же неравновелики были и чувства внутри нас. «Хочу есть» и «хочу любить» – очень разные вещи. А последние по своей сути гораздо сложнее, ярче и тоньше, чем наши привычные понятия о добре и зле.

Иногда, чтобы избежать надвигающейся ссоры, я обнимал Любочку, прикидал к ней всем телом, но не целовал, а... Я попросту замирал! Я шептал ей нежные слова и сам верил в их искренность... Люба смеялась и говорила «Уди же, негодяй, уйди! Ты, что не видишь, что я таю?!»

Как-то Люба бросила фразу, смысл которой сводился к тому, что она ненавидит в себе ощущение «женского и мягкого» и ненавидит так сильно, что когда я провоцирую ее проявить эту мягкость, она способна ударить меня. Я действительно замечал, что в минуты перехода от ссоры к примирению в Любе словно боролись два человека. Не так уж редко, когда хотя бы на несколько секунд побеждал незнакомый мне, и тогда лицо Любочки вдруг уродовала маска холодного презрения, а ладошки сжимались в кулаки. Это слу-

чалось ни раз и не два, и однажды я спросил, почему минуту назад ты не ударила меня?.. Люба удивленно посмотрела на меня и пожала плечами. Она сказала, что «наверное, бить, – действительно бить! – откровенных дураков все-таки грех». Я уверен, что Люба пожалела об этом коротком разговоре. Она быстро сменила тему, и спросила: «Слушай, свин, а давай я тебе майку постираю?.. Ходишь тут немытый и пионеров пугаешь!»

Люба жила в своей комнате одна... Часто во время «тихого часа», я приходил к ней и ложился отдохнуть на ее кровать. Люба – даже если она нервничала по какому-то поводу – никогда не пыталась стащить меня со своей постели, а если ее настроение было испорчено до предела, просто не обращала на меня внимания. Она говорила мне «просто помолчи и все!..» и принималась тихо, с муравьиным упрямством, хлопотать по своему немудреному, в общем-то, хозяйству. Я называл это «женским инстинктом». Люба бросала на меня – «лодыря и лежебоку» – нарочито сердитые взгляды и добавляла насмешливые обвинения уже в свой адрес. Например, «и за чем я с тобой, дура, связалась?» или «я отдала тебе лучшие дни своей пионерской юности, а ты снова дрыхнешь на моей кровати!» Но были и исключения. Однажды Люба виновато улыбнулась и сказала: «Спи уж, однолюб, если пришел...» Почему Люба назвала меня «однолюбом» я не знаю, ведь я всегда пытался доказать ей, что я самый что ни на есть оголтелый донжуан.

Когда мы не ссорились, я действительно усыпал. Люба ложилась рядом и смотрела на меня. Сквозь сон я чувствовал прикосновение ее губ и понимал, что пора вставать. Наша возня с детьми (именно возня, а не какое-то там воспитание) не могла быть прерваться больше чем на час. Но вставать не хотелось и я обнимал Любу... Какое-то мгновение ее тело было расслабленным и податливым. Еще толком не придя в себя после мимолетного сна, я пытался подмять под себя это желанное тело, сжать его в объятиях, но оно ускользало... Теленку не хватало мужского упрямства. Люба не без удовольствия прислушивалась к моему недовольному ворчанию и торжествуя улыбалась.

Я ничего не знал о прошлом Любы, никогда не расспрашивал ее о нем, но... я не знаю, как тут сказать... я просто догадывался о нем так, как догадываются о запахе букета цветов, рассматривая его фотографию. Жалела ли Люба о чем-нибудь?.. Иногда казалось что да. Особенно когда Люба задумчиво смотрела на меня своими умными, огромными глазами и словно силилась что-то понять, переосмыслить и наконец-то там, внутри самой себя, перестать испытывать темный, безотчетный страх.

Люба была очень красива... Она отлично знала это и, как я уже говорил, ее взбалмошный, привыкший к безусловно-му подчинению нрав, в наших мелких стычках был способен только на рывок, взрыв, но никогда на долгое сопротивление. А я попросту тянулся к ней, как тянется голодный к пище и

что-то подсказывало мне, что нужно быть крайне осторожным. А может быть, я все-таки действительно хорошо понимал, что играю в какую-то опасную игру сути, которой не понимал сам?.. Люба училась в университете на факультете психологи, и я не думаю, что она сама могла бы найти ответ на этот вопрос.

После очередной ссоры или моего ночного и, как всегда безуспешного «штурма», Любочка могла пойти на особо изощренную месть. Местом действия для этой драмы частенько оказывался речной пляж. Мы почти каждый день водили к реке два-три отряда (точнее говоря, две-три группки) весело галдящих пионеров. Река была мелкой, сетка вокруг детского «лягушатника» надежной, а шестеро вожатых могли дать какой-нибудь парочке из своей среды отдохнуть хоть чуть-чуть от неумолчного детского крика, писка и визга. Вот именно тогда, – и только тогда – то есть на пляже и чуть в стороне от других, Любочка и начинала осознавать свою полную власть надо мной!..

Никогда, ни до, ни после, я не встречал более красивого и совершенного тела, чем у Любы. Его профиль можно было нарисовать одной плавной линией – в нем не было ничего лишнего. Это была завораживающая, чарующая и великая красота.

Наверное, в ту недобрую минуту я представлял из себя довольно жалкое зрелище. Один брошенный на полуголоое те-

ло Любы взгляд поднимал в моей душе целую бурю: это был и страх, и робкое (но робкое только теперь!) понятно какое желание, и абсолютная уверенность в своей собственной ничтожности, и злая затравленность тельца вдруг угодившего в колючую чащобу. Я прятал глаза, уходил в воду к детям, но Любочка была везде. Она была рядом со мной как тень и в то же время не обращала на меня ни малейшего внимания.

Улыбнусь: да, это была жестокость и, причем довольно утонченная!.. Я удирал от Любы в дальний конец пляжа, но она находила меня и там. Она ложилась рядом и «открывала собрание» в лице старшей пионервожатой и своего непосредственного подчиненного. Люба рассматривала песок и сухо говорила о мероприятиях, детях и моем педагогическом невежестве. Но это было терпимо только до тех пор, пока Любочка не переворачивалась на спину. Один мой взгляд, брошенный на ее грудь или плоский живот, возводил мою панику в степень истерики. Я был готов бежать куда угодно от жгучего желания, стыда и от себя самого себя.

«Ну что, съел, да?..» – говорил мне насмешливый взгляд Любочки.

Однажды я не выдержал. Вернувшись с пляжа, я вошел в комнату Любочки и закрыл за собой дверь. Потом я разделся и лег в ее постель. Между делом я пожаловался на то, что у нее маленькое одело.

Тем временем Любочка безучастно смотрела в окно и делала вид, что ничего не происходит.

– Иди сюда! – коротко бросил я ей и сам удивился грубости своего, вдруг ставшего низким и хриплым, голоса.

Любочка промолчала. Я повторил свои слова и они снова прозвучавшие как приказ. Любочка обернулась и с усмешкой посмотрела на меня. У нее был спокойный, даже холодный взгляд.

– Сначала – замуж, – твердо сказала она.

– Еще что?..

– Мне хватит и того, о чем я только что сказала, – спокойно ответила Любочка. – Кстати, любимый мой, ты – хам и действительно абсолютная свинья.

Я подумал о том, что я наверняка далеко не первый у Любочки... Впрочем, даже это было не самым важным! Именно в эту минуту, – бесконечно растянутую и злую – я вдруг как никогда раньше близко, до боли соприкоснувшись с этим злом, вдруг понял, что Любочка никогда никого не любила. Там, в ее прошлом мире, любили только ее, и может быть, даже не ее саму, а ее игру в любовь и исполнение чужих желаний. Передо мной стоял совершенно чужой мне человек...

Мы смотрели друг на друга, но встретились глазами только на пару секунд... Нет, все-таки холодная усмешка была не самым главным в глазах Любочки. Да черт бы меня побрал, если я вдруг не прочитал в них некую отстраненность исследователя, склонившегося над микроскопом! Я был только объектом исследования, причем дольно простым, откровенно туповатым и не заслуживающим больше, чем прохладный

интерес. Не знаю, была ли моя следующая мысль полным сумасшествием, но я вдруг понял и то, что Люба способна на предательство, а в отличие от меня – теленка! – она способна на него в любую минуту и это предательство далось бы ей без тени боли. Любе была нужна и интересна только власть над человеком. Ее выгода – ее выигрыш! – всегда была именно эта власть.

До той недоброй минуты я был уверен в том, что не способен на насилие над женщиной и все произошедшее дальше вдруг стало похоже на сон. Я бросился на Любу и мы упали на пол. Она в кровь расцарапала мне лицо, а я ударил ее. Любочка вырвалась и если бы не стакан горячего чая, который она швырнула мне в лицо, дело могло принять совсем дурной оборот.

Я пришел в себя только после того, как за моей спиной с грохотом захлопнулась дверь. Мне сильно жгло глаза. Кажется, я ругался. Люба рванула дверь, вышвырнула мою куртку и сказала, что бы я «больше никогда не приходил к ней».

... Так закончились наши отношения. Два дня я и Люба не обращали друг на друга никакого внимания. На утренней пионерской линейке я должен был отдавать Любе – как старшей пионервожатой – рапорт: отряд такой-то, в таком-то количестве построен, ну и так далее. Люба смотрела сквозь меня и едва заметно усмехалась... И ее усмешка была той же, что во время нашей недавней ссоры. Кстати, я тоже не очень-то пе-

реживал! Когда вечером, на третий день, в домик Любы направился физрук, я уже был готов смеяться над собственной страстью. В сущности, а чего еще можно было ждать от этой красивой стервы? Она хочет мне отомстить мне за грубость? Но это же глупо! Кстати, я ни разу не сказал Любе, что люблю ее. Кого там, собственно говоря, любить-то? Женскую точечную фигурку, отполированную сотней мужских лап? Я что, и в самом деле такой кретин, который не знает, что представляют из себя моральные уродцы из горкома комсомола? «Плавали, знаем!» Впрочем, не очень-то знаем, но все равно слышали про их «шведские семейки». И пошло оно все!..

Короче говоря, у меня было довольно бодрое и жизнелюбивое настроение. А в тот самый вечер я болтал на скамейке с девчонками-вожатыми из «малышового» отряда и они смеялись до слез. Иногда, совершенно случайно конечно, я бросал взгляд на ярко освещенное окно Любы. За белой шторкой виднелись две тени. Иногда они соприкасались головами, но тут же одна из них торопливо отодвигалась в сторону.

Я с блеском закончил очередной анекдот... Девчонки дружно и звонко засмеялись. Я увидел, как тень Любы привстала и через пару секунд с силой и едва ли не дребезгом захлопнулась форточка в ее окне.

Часам к одиннадцати, уже после пионерского отбоя, в наш лагерь пожаловали так называемые «местные». Это была толпа полупьяных ребят лет двадцати – двадцати пяти. Они отличались не столько осознанной агрессивностью, сколько

пустой и бездумной наглостью. Редкие визиты местной шпаны не причиняли никому особых хлопот. «Местные» хорошо понимали, чем могут окончиться для них «шуточки» среди детей и сами умиряли своих перебравших спиртного дружков.

Тут нужно заметить, что я не из тех людей, которые верят в собственную крутизну и ищут приключений. Более того, я охотно иду на компромисс почти во всех критических ситуациях, но совсем не потому, что не умею драться. Три года я ходил в боксерскую секцию и исправно колотил «грушу». Боксера из меня не получилось, но я научился не только наносить удары, но держать их.

В тот вечер, к собственному удивлению, я не пошел на компромисс с «местными»... После того, как я и нежеланные гости перебросятся парой-тройкой, в общем-то, ничего не значащих фраз, началась драка. Теленок исчез... Теленок вдруг превратился в свирепого кабана, и этот кабан пошел напролом. Я не чувствовал боли и я не понимал за что я дерусь. Передо мной мелькали полутемные лица, смутные фигуры, а все звуки слились в невнятный гул. Шпана выбрала довольно правильную тактику – меня взяли в круг, то есть «местные» предпочли держаться от меня на расстоянии. О мою голову и плечи сломали пару кольев, но меня боялись. Кроме того, кольцо вокруг меня пусть и медленно, но все-таки редело...

Через несколько минут в центр драки бросилась директор

нашего пионерлагеря – дородная, тридцатипятилетняя женщина, которую мы, лагерный молодняк, снисходительно называли «Тетка». «Тетка» смело пустила в ход свои кулаки. Конечно же, никто из «местных» ее не тронул – от «Тетки» бежали как от чумы. Затем появилась милиция... Эти ребята с дубинками всегда и повсюду опаздывали, но только не у нас. Во-первых, среди множества пионерских лагерей можно было познакомиться со смешливой пионервожатой или симпатичной воспитательницей, а, во-вторых, пусть и редко, но все-таки продемонстрировать перед ними власть над каким-нибудь простодушным, зазевавшимся хулиганом.

Я на всю жизнь запомнил, как двое ребят в синей милицейской форме обрабатывали дубинками здоровяка в рваной майке. Тот катался по земле, стараясь прикрыть руками голову и благим матом орал, что «первым начали не они». Но его никто не слушал...

В финале драки, точнее, в окончательном разгроме деморализованной шпаны, приняли участие даже поварихи. «Местных» немного побаивались за их шкодливые проделки и при первой же возможности спешили выказать им свою нелюбовь.

Первой повисла у меня на плечах Любочка... Она же и увела меня к себе. Остывал я медленно, неохотно и даже когда по телу стал пробегать крупный озноб я то и дело порывался встать и выйти на улицу.

Любочка вытерла мне лицо и перевязала голову – синя-

ков и шишек было предостаточно. Любочка работала молча, только изредка бросая властные реплики: «Тихо ты, жеребец стоялый!» или «Я тебя сейчас сама стукну, кабан несчастный!»

Любочка очень сильно боялась, что меня заберут в милицию. Но меня не то что не искали, о моем существовании попросту забыли. Милиционеры грузили шпану в прибывшие на подмогу два «уазика» и жадно поглядывали в сторону кухни. А тем временем наша дородная «Тетка» о чем-то строго выговаривала усатому старшине. Тот скорбно кивал головой и со всем соглашался. После того как старшина согласился со всем на свете, не исключая и того, что он абсолютный болван, ему была вручена сумка с чем-то аппетитно булькающим и пахнущим. Посветлевший старшина заверил «Тетку», что «ничего подобного не повторится» и довольные милиционеры отбыли восвояси.

...А Любочка от меня просто сбежала. После того как я вернулся от «Тетки», где со мной была проведена душевная беседа на тему «идиот, ты, что забыл, что здесь дети?», дверь комнаты Любочки оказалась запертой. Еще не остывший от драки «кабан» мог запросто разнести ее в щепки, но на двери висела записка: «Во-первых, меня нет дома и, во-вторых, пошел к черту, болван! Я же тебе уже сказала, сначала замуж, мой любимый».

Любочка могла прятаться только у своей подруги в сосед-

нем лагере «Прометей». Я недобро хмыкнул и направился напрямиком туда...

Дверь мне открыла подружка Любы Таня. Я сразу и довольно безапелляционно потребовал беглянку. Таня попросила подождать меня снаружи. Шел уже первый час ночи, начал накрапывать дождь. Я нервно курил, оглядывался по сторонам, и мне казалось, что сама природа вдруг решила подчеркнуть мою мрачную решительность в достижении желанной цели.

Любочка вышла на крыльцо в довольно бесстыдной ночной рубашке. От нее пахло свежей постелью и еще чем-то очень теплым и дразнящим. Любочка осмотрела меня с нескрываемым любопытством и откровенной насмешкой. Меня едва не передернуло от такого взгляда и не стоит ли удивляться тому, я попросту не выдержал подобного издевательства.

– Слушай ты, стерва, – сказал я, протягивая Любочке ее же собственную записку. – Ты хоть раз в жизни была замужем?

– А зачем?... – по прежнему улыбаясь, спросила она.

– Затем, что никому ты не нужна!

Любочка засмеялась. Она хохотала так искренне, что я был готов снова броситься в драку. Но Любочка вдруг приникла ко мне всем телом и поцеловала в щеку, а потом в шею. Когда смех окончательно стих, она тихо шепнула мне на ухо: «Не будь идиотом. Ладно, мне тебя жалко и я соглас-

на. Но завтра, понимаешь?... Завтра!»

Она посмотрела мне в глаза. Глаза были огромными, близкими и сияющими.

– Завтра, завтра!.. – повторила Любочка. – Сегодня нельзя, любимый. И, пожалуйста, поверь мне, я не вру.

Любочка выскользнула из моих медвежьих объятий и повела меня за собой. В комнате, не смотря на протесты Тани, моя физиономия и плечи подверглись еще одному тщательному осмотру и перевязке по мере надобности. Потом меня безжалостно выставили за дверь, причем в этом приняла вселое участие и сама хозяйка комнаты.

Немного послонявшись по лагерю и наконец-то поняв, что приключения окончились, я поплелся в свою комнату...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.